

Уходи, Валентин, а?

Город набухал грозой. В редких просветах облаков предзакатное небо высверкивало багряным недобрым зраком и беременные дождем тучи низко цепляли паримую влагой испарений горячую землю. Крутило низовкой листву и дурно-истошно запахло травы, цветы, листва, водоросли еще мокрые и уже сухие, как пережари-поле. Цикады предсмертно трещали в унисон глухому порывиванию далеких громоуханий и в сполохах зарниц это было...

По шаткой лестнице с поломанными перилами, почерневшими ступенями сходил к нам Валентин. Был он ни высок ни низок, ни красив ни дурен, ни стар ни молод – никакой он был. Но мы знали, что это он. По тому трепету, с которым песок обсыпался с моего тела и девятая волна лизнула нас, лежащих на кромке песчаного берега наполовину в море наполовину в небесах, по токам, пробежавшим по телу оголенными нервами, бескожному, электризованному.

«И дрожали ступени под ногой у меня...»

Наш Валентин еще не спустился с лестницы, а я уже ждала первого касания его сандалий об гладкую гальку, уже слышала скрип песка и мелкое шуршанье его. И все твои слова я уже слышала наперед, проигрывала в цвете и образе. Как сон, когда видишь образ человека, слышишь его слова, а сам остаешься нем, скован неподвижностью, тягуче замедлен, бессилен.

Вы знаете мои чувства к вам вы хотите стать моей женой я сделаю все для вашего счастья ваше расположение ко мне позволило мне дерзость просить вашей руки... *Если бы через несколько секунд ты мне этого не сказал, я бы опустилась перед тобой, любимый, на колени и просила твоей руки.*

Я люблю тебя – *молчи это я люблю тебя*
Я люблю тебя – *молчи это я люблю тебя*
Я люблю тебя – *молчи это я люблю тебя*
Я люблю тебя – *молчи это я люблю тебя*

И так сорок лет. Молчи. Молчи. Так наш Валентин молча спустился и молча ушел. А мы остались с этим бременем, с этой тяжелой работой любви. Когда если у тебя инфаркт, я кричу в голос на бога, что он не справедлив и надо меня разить меня, МЕНЯ! И что ты лучший отец, чем я мать, а ему оттуда ничего не видно. И когда ты просто выходишь на минуту за дверь, я умираю на эту минуту и на всю жизнь, пока ты снова не вернешься.

А ты, а ты меня до сих пор за руку через дорогу водишь. И когда я рожала детей, ты кричал вместе со мной, и я гладила тебя по руке и в передышках облегчений вытирала твои слезы. А потом... А потом ты рассасывал мои расплывшиеся от обилия молока соски перед работой, чтобы двойняшки могли поймать ротиками ускользающие нечеткие сосцы... И говорил, мать, ничего, вкуснее, твоего, молока, нет, не пил, и, где, молоко, мое, где, твои, слезы, все одно, глаз мутит, от слез любви к тебе. Куда же я без тебя? Господь мой, милосерд и велик! За что мне такая любовь трудная?

И когда бился наш самолет, и в крике людей наши руки сомкнулись, чтобы вместе не-больно-не-страшно-не-напрасно, а твои руки все же легли поверх моих и обвили коконом и закрыли. И последний стакан воды ты вылил на мою салфетку и закрыл от гари мое лицо.

Уйди же наконец, злой Валентин. Или забирай нас вместе. Наделал – отвечай. Как же мы теперь? Что же ты с нами делаешь? Или у вас, у святых, такое раз в год первое апреля, а там трава не расти.

Дается жена мужу. На радость, на горе, на богатство и бедность. Но где у вас, валентинов, сказано на разлуку? На смерть? На одиночество? Его? Не дай господь, продли мои годы. Мое? Не дай господь, продли его годы. А лучше бери нас вместе. Будь милосерд.

Такая любовь – проклятие. Наши дети не спрашивают, как мама-папа по отдельности себя чувствуют. Как вы? А у нас сегодня наше плечо болит, наша коленка, наша спина. Если я почешу себе нос, он у тебя тоже зачесется. Нам нужно два туалета в доме – это тоже одновременно. Восприятие людей – один взгляд, вздрог кожи, одна ресница шевельнулась... Вместе чувствовать очень плохо – боль вдвойне помножена. А радость вместе уже с горечью разлуки. Храни тебя господь!

Гиря ты моя господня, валентиново наказание. Дожили, что своего собственного ничего нет, досимбиозничались. На твой стон ночью просыпаться, как на будильник, по утрам не женским, а ментовским взглядом осматривать лицо твое (как спал, что болело, не прозевала ли чего), за руку брать так, чтобы еще и пульс от тебя незаметно послушать (а ты все равно просечешь и мой перехватишь в отместку).

Когда я страдала и умирала от твоей неизлечимости, как я выживала вместе с тобой. Потом пришел твой черед, и мы вместе выбирались из-под моего камешка. Ходили мы с тобой, как сталкеры, в иные зоны и кто кого обратно вытаскивал? Валентин, твоя работа? Да ты просто как свой в раковом корпусе был с нами. А теперь уходи.

Снова он по ступеням к нам спускается («и дрожали ступени под ногой у меня») и как сорок лет назад я снова скажу: «Молчи, это я тебя люблю. Друг мой, муж, отец наших детей, защитник, опора, вера, надежда и любовь. *Молчи. Это я тебя люблю. Твоей любовью живу.*

Уходи, Валентин, и заberi хоть часть этой болезни валентиновой нашей. С земными справились, с твоей – нет сил. И так слишком долго ты с нами. И чем дольше, тем любовью страдаем сильнее. И ты знаешь, какая трудная это работа, как она изматывает. Как страшно любить любимого больше чем себя.

А жизни вечной ты не обещал. Уходи, а?

Автор - **Лаура Ли**

[Источник](#)